

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

Н. Т. Энеева

**«Русский Афон». Книжная серия. Издательство «Индрик».
Сост. К. Вах, М. Талалай, П. Троицкий**

В 2009 г. издательством «Индрик» основана серия «Русский Афон», цель которой — возрождение нашей памяти о русском Афоне. Прецеденты такого рода изданий существуют в русской культуре, по крайней мере, с середины XIX в. Можно вспомнить здесь знаменитые письма Святогорца, ставшие сразу любимым чтением православной России. По словам создателей серии, предположенным каждому выпуску и помещенным на форзаце, в ней «издаются лучшие книги, написанные русскими писателями, паломниками и учеными об Афоне и русских людях на Святой Афонской Горе». Иными словами, целью данного издательского предприятия являются сообщение читателю исторических сведений о русском присутствии на Афоне, а также актуализация той русскоязычной литературы, которая написана по этому поводу и которая представляет собой рефлексию русского общества на факт своего присутствия там. Эта рефлексия, в свою очередь, является фактом общественного сознания, и тем самым преломленный в ней «русский Афон» предстает уже не только делом тех русских, которые живут на Афоне, но и делом общегосударственным. Данная серия призвана донести до нас как историю событий, так и историю определенного пласта русского национального самосознания. В конечном счете, цель данного проекта — возродить в российском обществе прежний интерес к русскому присутствию на Святой горе Афон, воссоздать то «ментальное поле» — интеллектуальное, эмоциональное, духовное, которое существовало в дореволюционной России вокруг названия Святой Афонской горы.

Является ли это поле сейчас тождественным тому, какое было когда-то и может ли быть таким? Очевидно, условия для возможностей его существования изменились: прежде всего потому, что изменился его носитель — адресат дан-

ного издательского послания. Тот «русский народ», который в XIX в., зачитываясь «Письмами Святогорца», жертвовал на Афон миллионы суммы, так что даже такие великие подвижники благочестия, как святитель Московский Филарет (Дроздов), выражали тревогу по поводу чрезмерного оттока из России денежных средств, которые могли бы послужить внутренним нуждам Российской Церкви, — тот русский народ и нынешние «россияне» — жители Российской Федерации XXI в. — не говорим одно и то же явление, но хотя бы имеют ли они между собой общее духовное звено, некий общий духовный пласт? Ответ на этот вопрос может дать в том числе и реакция нынешнего православного читателя на данную книжную серию. Речь идет, конечно, не об экономической стороне вопроса, а о принятии обществом афонской темы как «своей».

Подобно тому, как «петербургская тема» в русской литературе и публицистике XIX в. была полем разработки западническо-славянофильской историософской проблематики, точно так же, но несравненно на более глубоком уровне тема «русского Афона» несет в себе широчайший спектр богословско-историософских коннотаций, в отличие от первой, принадлежащих не культурной сфере, а глубинным духовным основам национального самосознания. Русский Афон — явление глубоко народное, не «интеллигентское» и не «культурное» — это «молитвенный вздох» из самой глубины народной души, духовный форпост Святой Руси. Святая Русь немыслима без Афона. Сказать ли при этом, что Афон неинтеллигентен и не культурен — напротив, он всесословен — Афон аристократичен и народен одновременно. Лучшие умы европейской цивилизации и лучшие представители ее культуры приезжали и приезжают сюда в поисках ответов на важнейшие вопросы. Как сказал один человек из ученого-

Святая гора Афон

го мира, посетивший Афон в 1920-е годы, чтобы понять афонских подвижников, надо быть академиком¹ (хотя по высказываниям самих афонских старцев можно понять, что по сравнению с наукой «умного делания» любая земная ученость есть «празднословие»²).

Афон — не для жизни в этом мире. Он для тех, кто, едва касаясь ногами земли, устремлен в Царствие Небесное. Между тем существует неразрывная связь между «материком», митрополией и русским Афоном, и об этом лучше всего свидетельствует литература о нем. Монастырь вообще и Афон в особенности есть результат «бегства от мира», но в то же время монастырь существует и в теснейшей связи с миром — связи молитвенной, духовной. Русский Афон — это сколок, срез души народа, он вбирает в себя ее чаяния. По нему в чистом виде можно видеть то сокровенное, чем жил русский народ на протяжении столетий со времени его крещения и выхода на мировую арену в качестве самостоятельного национального субъекта. И в долгий период разрыва связей с

Россией «Русский Афон» сохранял эталон «русскости», русской ментальности, русского восприятия жизни и жизненных ценностей. В те самые годы, когда в России над народной душой проводились социальные и психологические эксперименты, на Афоне русский крестьянин монах Силуан поднимался до величайших высот святости, и его духовный опыт благодаря трудам русской эмиграции вернулся через полвека в Россию.

Понятие «Русский Афон» многогранно. В него входит не только непосредственное присутствие русских людей на Афоне, не только история русского афонского подвижничества, но и, в свою очередь, присутствие Афона в России — в его подворьях и святынях, а также в самой монашеской традиции, почертнутой русскими с Афона в лице афонского постриженника прп. Антония Печерского, за свою жизнь дважды подвизавшегося на Святой горе и получившего благословение святогорских старцев вернуться на родину и насаждать монашество в только что про-

¹ См.: Иеромонах Софроний (Сахаров). Старец Силуан. Жизнь и поучения. М.; Минск, 1991. С. 69.

² «Если вы останетесь, то закроете рты, Вы совершенно не будете празднословить», — говорит старец Иосиф-исихаст трем монахам, бывшим в миру «учеными, и притом в близких областях, поэтому им было о чем поговорить» (Старец Ефрем Филодейский. Моя жизнь со старцем Иосифом. М., 2012. С. 367).

священном крещением Руси. И в последующие века именно духовные импульсы, исходившие с Афоном, имели определяющее влияние на характер духовной жизни в России: паламитские споры и движение исихазма нашли свой духовный отклик в подвижничестве преподобных Сергия и Никона Радонежских, Нила Сорского, Серафима Саровского. В свою очередь, определенный духовный кризис XVIII-го столетия, вызванный проникновением не только в светскую культуру, но и в духовное образование России западных влияний, заслонивших в какой-то мере собственную православную традицию, был преодолен благодаря трудам уроженца Малороссии афонского подвижника прп. Паисия Величковского, переведшего на русский язык корпус святоотеческих творений «Добротолюбие» и оказавшего в дальнейшем неоценимое влияние на духовную жизнь России. Прямая линия духовного преемства ведет от прп. Паисия Величковского в русскую Оптину пустынь, ставшую колыбелью православного духовничества в России XIX в. и сыгравшую огромную роль в воспитании духовных пастырей XX столетия.

Иначе говоря, Афон всегда был камертоном духовной жизни в России. И в этом смысле «Русский Афон» — явление, способствовавшее формированию определенных свойств русского национального характера, самой русской иден-

тичности. Афон связывает нас с истоками той веры, до принятия которой на исторической и политической карте мира не существовало такой страны, как Русь, и не было такого народа, как русский. В каком-то смысле можно, наверное, сказать, что образ «Святой Руси» есть непосредственное отражение афонского духовного идеала: это устремленность к внутренним ценностям, неприятие внешнего, показного, смирение, крайняя терпеливость, нестяжательность, любовь к нищете «Христа ради», в то же время — открытость, «всемирная отзывчивость» (как говорил Ф.М. Достоевский о русском национальном характере), тихое свечение молитвой, постоянная устремленность к ней, деревянные избы и великолепные каменные храмы, золото и роскошь во всем, относящемся к богослужению, и крайняя непрятательность в быту — разве все это не напоминает нам величественные афонские монастыри, воздвигнутые во славу Божью, при абсолютной добровольной нищете и нестяжательности населяющих их монахов.

Культурные богатства принадлежат все же земле, небесное достояние — нищете Христа ради: «Блаженны нищие духом». Это духовное самоустроение по афонскому образцу, вероятно, и есть суть той «загадки русской души», о которой так много писалось в литературе и которую Ф.И. Тютчев сформулировал в известных строках: «Эти бедные селенья, эта скучная природа, край родной долготерпенья, край ты русского народа. Не поймет и не оценит гордый взгляд иноплеменный, что во взгляде твоем светит, что в красе твоей смиренной. И от края и до края всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил благословления». Эту же тональность хорошо чувствовал и М.В. Нестеров — молитвенность, нестяжательность, неотмирность как национальный идеал прекрасного. Можно сказать, что Святая Русь сформировалась как эхо афонского духовного идеала. Афон же — удел Божьей Матери, поэтому естественно, что омофор Ее простирая и над Русью, шестой частью суши, на которую лег «от свет» от зажженного Ею на Афоне светильника и которая потому в народе получила имя «дома Пресвятой Богородицы».

В то же время Афон — явление подлинно интернациональное, наднациональное, сверхнациональное. Именно Афон — реальный центр единства православного мира. Достигнув к XIII в. своего расцвета и вобрав в себя квинтэссенцию духовной мудрости и духовного опыта Византии, он стал, по существу, тем воздвигнутым византийскими преподобными

Преподобный Паисий (Величковский)

Святая гора Афон

отцами «Ноевым ковчегом», который один уцелел, в то время как бушующие штормы истории погребли под своей пучиной Византийскую империю, объединявшую под единым государственным омофором многие православные народы. Афон сумел сохранить неприкосновенным особый статус в эпоху иноверного турецкого владычества и тем самым сохранить главное и лучшее, что дала Византия — православную святыню и духовную культуру. Поэтому для всего православного мира Афон — хранитель чистоты веры, эталон и синоним православия, центр православной духовности и всеправославного духовного единства, или, как говорил епископ Порфирий Успенский, «гора святая есть хвала православия»³. По выражению К. Леонтьева, «Афон — святыня Православия»⁴. Столетиями он был живой духовной реальностью и излучал эту реальность на все православные страны. Для всех православных народов всегда существовала возможность просто «уйти на Афон». Самый факт существования на Земном шаре на протяжении более тысячи лет такой интернациональной территории, законы жизни которой во всем противоположны законам мира, есть уже безусловное чудо.

В современной литературе принято называть Афон «монашеской республикой», что связано с коллегиальностью управления посредством Протата — совета игуменов, должность которых является выборной, а также отчасти с большой степенью независимости 20 афонских монастырей с примыкающими к ним скитами, келиями и каливами от их канонического главы — Вселенского Патриарха. Однако думается, что в контексте светского восприятия система ценностей, в которой «республика» является идеалом общественного устройства, не имеет соответствия в том идеале, которому служит православное монашество вообще и монашество афонское в особенности. Правда, афонский старец Паисий (Эзнопидис), подвижник XX в., говорил: «Наши святые отцы освятили пустыню и превратили ее в духовное государство, в то время как мы, к сожалению, превратили в государство мирское. Всякий мирской порядок является великим духовным беспорядком»⁵. Поистине, «что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк. 16,15). Действительно, не народоправство и «права человека» являются идеалом монашеского общежития на Афоне, а теократия — сообщество людей, подчиняющихся непосредственно

³ Цит. по: Дмитриевский А.А. Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой русской духовной миссии в Иерусалиме. М., 2006. С. 41.

⁴ Леонтьев К.Н. Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России // Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мироцелование Константина Леонтьева. М., 2008. С. 530.

Святая гора Афон

Самому Богу. Если в миру, даже христианском, мотивация поступков как правило опосредована различными историческими, политическими, социальными нормами, и если кто-то скажет, что выполняет непосредственно волю Божию, это, скорее всего, вызовет опасение за адекватность говорящего и за возможную непредсказуемость его поведения, то в мире монашества повиновение воле Божьей есть единственное осмысление и оправдание всех жизненных поступков. Если уж подыскивать для определения афонского «духовного государства» какие-либо светские параллели, то мы бы назвали Афон, вследствие именно его интернационального характера, скорее «духовной империей» — калькой с Византийской империи, но с той разницей, что «Василемос» там является Сам Бог «Владычицей» (игуменьей) — Божья Матерь.

Как модель Церкви (и подобно живому человеку), Афон есть реальность двусоставная — видимо-невидимая; причем невидимая, духовная его реальность несравненно важнее и больше видимой. Афон по значению его для христианского мира есть «духовная гора», для которой земная его вершина есть только символический

образ. Духовная же вершина Афонской горы достигает Небес, т. е. Царствия Божия, простирается до врат рая. Священная гора «для достопочтенных отшельников, разорвавших все земные узы, служит как бы местом отдохновения и подкрепления при восхождении на высоту небесную...»⁵. В то же время Афон может быть уподоблен Фаворской горе — горе Преображения потому, что его главный вклад в сокровищницу православной богословской мысли есть учение о нетварных божественных энергиях и Фаворском свете святителя Григория (Паламы), и потому что именно на Афоне возникло явление «исихазма» — стяжания божественной благодати (энергии) через практику так называемой Иисусовой молитвы. И этот опыт — опыт Иисусовой молитвы и достигаемого ею обожения, зrimо созерцемого в сиянии нетварного фаворского света — Афон передал России, где уже в XIX в. он стал главным делом жизни прп. Серафима Саровского и оптинских старцев.

Духовное пространство гораздо сложнее земного, видимого, и законы его на языке земной логики звучат как антиномии. По словам архимандрита Софрония (Сахарова), учени-

⁵ Афон. М.: Изд. Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, 2002. С. 177.

⁶ Цит. по: Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена священноархимандрита Макария (Сушкина) // Русский Афон. Вып. 6. М., 2010. С. 172.

ка прп. Силуана Афонского, путь на духовную высоту Афона лежит не через самовозышение, а через самоунижение, не посредством самовозвеличивания — что является в духовном мире верным путем в пропасть — а посредством самоумаления, смирения: «Господь... пирамиду бытия... опрокидывает вершиною вниз и тем достигает последнего совершенства. Несомненная вершина этой пирамиды — Сам Сын Человеческий...; и Он говорит про Себя, что „не пришел, чтобы Ему послужили, но послужить и дать душу Свою во искупление многих“ (Мф. 20, 28)... Последователи Христа неизъяснимым образом уподобляются Ему через принятие на себя тяготы или немощи других: „Сильные должны носить немощи слабых“ (Римл. 15, 1)... Христианин идет **вниз**, туда — в глубину опрокинутой пирамиды, где сосредотачивается страшное давление, где взявшись на Себя грех мира — Христос»⁷.

Поэтому понять историю монашества «извне» так же сложно, как и земную жизнь Самого Спасителя, Господа Иисуса Христа: если обращать преимущественное внимание на бытовую сторону и внешние обстоятельства жизни, то видна будет только бесприютность, гонимость и в конце концов позорная с человеческой точки зрения казнь. В этом смысле всякое описание материальной, видимой реальности Афона, даже включая все его исторические и культурные бесценные богатства, может сравниться с описанием лишь подножия огромной горы, уходящей своей вершиной за облака. Внешнее наблюдение за скучной, полной лишений жизнью афонцев может оказаться бесплодным, если не иметь ключа к тайне, побудившей всех этих людей оставить прежнюю жизнь и прийти сюда. Строго говоря, для того чтобы действительно «посетить Афон», т.е. погрузиться в его реальность, необходимо «отречься себя», все мирское бросить и уйти на Афон монахом. Раскрытию внутренней сокровенной жизни Русского Афона служат богословские труды его подвижников, такие как писания старца Силуана, труды архимандрита Софрония (Сахарова), епископа Василия (Кривошеина).

Не менее важна и другая реальность жизни Афона — его неразрывная связь с теми народами, которые присыпают сюда наследников. Афониты — своего рода ангелы-представители за

свои народы пред Престолом Божиим. Можно сказать, что назначение афонской «духовной империи» — представствовать за составляющие ее народы. Не случайно поэтому иконография прп. Силуана Афонского указывает на то, что главным его подвигом была молитва за народ⁸. Именно так понимали смысл удаления на Афон православные греки, русские, румыны, болгары, сербы. Поэтому так важны темы Русский Афон, Болгарский Афон, Сербский Афон. И не случайно места сугубых духовных подвигов в России называли «Афоном»: «Новый Афон» на Кавказе (Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии), «Уральский Афон» (Белогорский Свято-Николаевский монастырь в окрестностях Перми) и пр. Часто родители желали, чтобы один из их детей стал молитвенником за весь род, говоря, что благочестивый монах спасает свою семью до седьмого колена. Тем более это убеждение относилось к афонскому монашеству, которое понималось как квинтэссенция монашеского служения вообще. Об этом феномене русской жизни писал А. А. Дмитриевский в книге, посвященной первому русскому игумену русского святогорского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандриту Макарию (Сушкину): «Русский набожный человек... рисует в своем представлении всякого монаха ангелоподобным человеком, отрекшимся от мира и всех его прелестей, строгим подвижником, неустанным молитвенником не только о себе и своих немощах, сколько о немощах присных ему по духу и плоти. Не удивительно поэтому, что во многих религиозных наших семействах, не утративших веру в идеального монаха, является и доселе весьма часто желание иметь хотя бы то и одного молитвенника-монаха из своей среды. Это желание весьма нередко высказывается даже целой деревнею, известным околотком и даже городом. В этой-то вере в идеального монаха в воззрениях нашего народа на монастыри вообще и нужно искать объяснение того факта, что русский народ любит монастыри, охотно посещает их, хотя бы они находились на отдаленных окраинах нашего отечества или за границей... и несет в них часто последнюю свою трудовую копейку»⁹.

Отсюда неоднократно отмечавшаяся современниками стихийная устремленность русских

⁷ Архимандрит Софроний (Сахаров). Указ. соч. С. 223–224.

⁸ На свитке, который держит прп. Силуан, на иконе, находящейся над его мощами в Свято-Пантелеимоновом монастыре, написано: «Молю Тебя, милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли».

⁹ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне... С. 313.

Игумен Иероним (Соломенцев) и архимандрит Макарий (Сушкин)

на Афон и неизменный успех афонских сборщиков пожертвований в России. Огромные суммы, которые народ жертвовал на создание и благоустройство обители вне России, свидетельствуют о том, насколько религиозное чувство русских было выше практических соображений материальной выгоды и всякого национализма. Этот факт был так очевиден, что даже вызывал опасения у российских государственных структур. Так, императорский посол А.И. Нелидов писал: «Имея в руках лишь фактические данные, показывающие глубокое почитание народа русского к Св. Афонской горе, невозможно взвесить, как велика нравственная польза этого почитания или насколько Афон полезен и нужен нам с государственной точки зрения... Приходится иметь дело с неизведанной областью, с самостоятельной и могучей силой народной... Вопрос: нужен ли Афон православному народу русскому? — решает сам народ, не спрашивая кабинетных соображений наших, а прямо высылая на Афон свою деятельную силу, свою трудовую копейку»¹⁰. Народный характер Русского Афона сказывался и на менталитете афонских иноков. Одной из неотъемлемых характеристик этого мировосприятия был естественный монархизм, преданность Царю-батюшке. Так, духовный писатель первой половины XIX в. иеромонах Серафим (Святогорец) даже самую «русскость» определял через при-

верженность самодержавию. «Я, — писал он, — вполне здесь мог понимать то святое чувство любви к России, чувство родственное и неизъяснимое, одушевляясь которым Русские всегда были Русскими, то есть выше всех политических переворотов Европы, и опередили, далеко оставили за собою народов, не понимающих ни радости о Царе своем, ни величия и славы сыновней преданности и верноподданнической любви к Самодержавной Власти»¹¹.

О теснейшей связи между Афоном и православным миром в России свидетельствуют жития афонских подвижников — великих старцев Иеронима (Соломенцева) и Макария (Сушкина), которые, ни разу за свою монашескую жизнь не посетив Россию, тем не менее до конца дней

поддерживали постоянную переписку с родственниками, друзьями, учениками в миру, на средства которых в значительной мере и был создан великолепный комплекс Свято-Пантелеимонова русского монастыря. Письма старцев влияли на жизненный выбор их близких, оставшихся в миру, и всех, кто обращался к ним за советом и помощью.

Вместе с тем не только простой народ из России тянулся на Афон. Приведем свидетельство духовного мыслителя, писателя и дипломата К.Н. Леонтьева, который и сам хотел принять постриг на Афоне и долго жил там: «Русский духовник, известный о. Иероним, сказывал мне, что в течение его долгой жизни на Афоне здесь перебывало по крайней мере до двухсот более или менее религиозных дворян русских, богатых и бедных, знатных и незнатных, чиновных и нечиновных»¹². Среди афонских подвижников были и представители высшего сословия: так, в 1830-е годы толчок к возрождению и консолидации русского монашества на Афоне дал инок-князь о. Аникита (Ширинский-Шихматов). Посещали Афон и члены царской фамилии — великие князья Алексей Александрович и Константин Константинович. «Что касается до самого высшего круга нашего, — писал в этой связи К.Н. Леонтьев, — то, во-первых, вследствие другого воспитания и лучшей обстановки в нем больше религиозных

¹⁰ Цит. по: Герд Л.А. Русский Афон 1874—1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010. С. 53.

¹¹ Письма Святогорца ко друзьям своим о святой Горе Афонской. 8-е изд. М., 1895. С. 4.

¹² Леонтьев К.Н. Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России. С. 541.

Костница Свято-Пантелеимонова монастыря

людей, чем в среде дворянского и церковно-семинарского пролетариата; а во-вторых, высший круг наш со Святой Горой уже ближе ознакомился после посещения Афона Их величествами Великими Князьями¹³. Таким образом, все основные сословия России были знакомы и так или иначе связаны с Афоном. «Афон, — подчеркивал К. Н. Леонтьев, — имеет в себе нечто втягивающее»¹⁴.

Процветание русского афонского монастыря и скитов во второй половине XIX — начале XX в. в значительной степени было связано с со-зидательным духом Российской империи, который несли в себе русские инонки — по большей части вчерашние крестьяне и купцы; самый характер российской государственности, ее масштаб и размах всякого начинания в России, привычка к единонаучанию и в то же время к общинному народному строю жизни, послушность в сочетании с внутренней свободой — все это, безусловно, сказывалось на способах самоорганизации русских на Афоне. Вот, например, как описывает в 1891 г. период расцвета их деятельности там Вселенский Патриарх Иоаким III: «На каком бы месте Афона русские ни заняли келлии или места, они тотчас стараются... умножать число монахов и перестраивать все здания и церкви,

дабы придать им русский вид. Так, о. Иероним нашел приют в монастыре Св. Пантелеймона с 15 русскими монахами, а через 35 лет число их возросло до тысячи... Архимандрит Виссарион с семью учениками приехал из Киева и занял Ватопедскую келлию Св. Андрея, а через 40 лет эта келлия превратилась в прекраснейший скит, превосходящий благолепием все монастыри, число же братии возросло до четырехсот. Оба эти человека были люди простые и достигли таких результатов только благодаря своей ревности и усердию. Их примеру следуют некоторые другие старцы келлий, перестраивая все на русский лад. В то же время греческое монашество чахнет и близится к роковому концу вследствие нерадения монахов и преследования ими только личных интересов. Духовная власть на Афоне не пользуется никаким значением, ослушание заметно повсюду. Монастыри греческие враждуют между собой стараясь превзойти один другого в самочинии и своеолии. Напротив, в русских обителях господствует порядок; все идут на зов настоятеля, являются с послушностью и покорностью, работают с самоотвержением, не вмешиваются в мирские дела. Старшие усердно стремятся к приумножению имущества, получая богатую милостыню из России (ежегодно до 200 тыс. лир,

¹³ Там же. С. 533.

¹⁴ Там же.

т. е. 1 миллион рублей). На эти средства в течение 40 лет воздвигнуты русскими обителями великолепнейшие здания, храмы, подворья; ризницы и кладовые их можно назвать царскими, амбары наполнены хлебом, вином, елеем и всякими благами. Внушительное число монахов, величие храмов, примерное гостеприимство и щедрая раздача милостины привлекают к русским обителям»¹⁵.

С середины XIX столетия большое влияние на русское общество стала оказывать литература, которую издавал открывший собственную типографию Свято-Пантелеимонов монастырь. Особенной популярностью, как уже отмечалось, в XIX в. пользовались «Письма Святогорца друзьям своим о святой горе Афонской», изданные афонским Пантелеимоновым монастырем в 1850 г., многократно переиздававшиеся и ставшие сразу любимым чтением православной России. Эта книга и ее автор, иеромонах Серафим, были хорошо знакомы великому старцу, игумену Свято-Пантелеимонова монастыря архимандриту Макарию (Сушкину) и даже в значительной степени повлияли на его судьбу. Именно при нем монастырь и вообще русское афонское монашество достигли своего расцвета: выходец из купеческого сословия, он под влиянием благочестивой матери и «душеполезного чтения», особенно после личной встречи с автором «Писем Святогорца», решительно оставил мир и принял постриг на Афоне в русском монастыре. Иеромонах Серафим Святогорец имел немалое влияние не только на простой народ, но и на образованное сословие, он был признан в литературных кругах, и, очевидно, снискал доверие и дружбу Н. В. Гоголя, как о том можно судить по собственным его словам, высказанным в одном из писем в ответ на известие о кончине Гоголя. «Смерть Гоголя, — пишет о. Серафим, — торжество моего духа. Покойный много потерпел и похворал, — надобно и пора ему на отдых в райских обителях. Жаль только, что он не побывал у нас. Я очень любил его; в Одессе мы с ним видались несколько раз, и наше расставанье было условное — видеться здесь. Судьбы Божии непостижимы! В последнее время его считали помешанным, — за то, что он остыенился и сделался христианином. Вот ведь мирская-то мудрость! Толкуйте с миром»¹⁶.

Издания Свято-Пантелеимонова монастыря «Афонский патерик», выдержавший множество переизданий, «Вышний покров» о чудотворных иконах Афона, журналы «Душеполезные раз-

мышления», «Душеполезный собеседник» и многие другие, равно как и бесплатно раздаваемые народу брошюры и листки духовно-нравственного содержания, благовестно читались и хранились в простом народе как святыни, исшедшая со Святой горы. Любое описание монастырей Святой горы и жизни их насельников попадало на подготовленную почву народного восприятия. Народ сердцем чувствовал ту ноту, «тональность» духовной жизни, которой жил Афон, и эта тональность была ему жизненно необходима, становилась родной.

Следующий этап «литературной жизни Афона» — научные труды по его истории, начало которым было положено в 1845 г. знаменитым путешественником, историком, археографом, археологом, востоковедом епископом Порфирием (Успенским) и продолжено его не менее замечательным преемником на поприще изучения христианского Востока архимандритом Антонином (Капустиным), а затем многими выдающимися востоковедами и византистами, такими как А. А. Дмитриевский, Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, В. Н. Бенешевич, В. И. Григорович, П. И. Севастьянов и др.

Таким образом, обширную литературу об Афоне можно в общих чертах разделить на паломническую, житийную и научно-историческую. К первому относятся такие книги, как «Первое посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим написанное» (1884); «Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа Порфирия (Успенского)» (1845); «Дневник собственоручный о. Макария», который он вел по пути на Афон; «Сказание о странствовании и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» инока Парфения (1855); «Заметки поклонника Святой Горы» архимандрита Антонина (Капустина) (1864); позже, уже после революции, был написан «Афон» Бориса Зайцева. Произведения этого жанра имеют мемуарный и дневниковый характер, они погружены в поток времени, в них показывается Афон, пропущенный сквозь призму личного восприятия автора. Паломническая литература заменяла читателю реальное паломничество и в то же время поощряла к нему.

К житийной литературе помимо «Афонского патерика», составленного на Афоне, и таких изданий, как «Письма с Афона о современных под-

¹⁵ Цит. по: Герд Л. А. Указ. соч. С. 30–32.

¹⁶ Иеромонах Серафим Святогорец. Письма Святогорца друзьям своим о святой горе Афонской. М., 1895. С. 475.

вижниках афонских», изданной в 1871 г. афонским же отцом Пантелеимоном (Сапожниковым), «Великая стража» иеромонаха Иоакима (Сабельникова), посвященная житиям старцев Иеронима и Макария Афонских¹⁷, следует отнести и жизнеописания афонских подвижников, подготовленные церковными учеными, например, книгу А. А. Дмитриевского «Епископ Порфирий Успенский», изданную в 1906 г. Жизнеописания афонских отцов ближе всего раскрывают собственно духовную жизнь Афона. Несмотря на то что в них излагаются исторические события, они служат лишь гранями, обрисовывающими общий духовный облик того или иного подвижника, раскрывают характер и особенности его внутренней жизни.

К третьему жанру — собственно исторических научных исследований — относятся прежде всего три тома «Истории Афона», написанные епископом Порфирием Успенским, а также и последующие критические труды по истории монашества на Афоне. В этих аналитических работах Афон рассматривается с точки зрения его земной истории и, так сказать, во вполне земных категориях — национальных и церковно-политических отношений. Святая гора здесь предстает не идеальной, а, как выразился епископ Порфирий, «в полутонах». По словам этого автора, «на основании сих бытописаний Афон будет представлен... в истинном виде его, в естественной светотени его и с выражением его тысячелетней жизни и действий на поприще воинствующей Церкви Христовой, и вместе разных скорбей и бедствий и соблазнов»¹⁸. А бедствия и скорби приходили не только извне. В среду русских монахов попадали и бежавшие от крепостного права крестьяне, и даже смутьяны-революционеры. Первые ушли с Афона, как только было объявлено об отмене крепостного права, вторые же в начале XX в. подняли на Афоне смуту, нанесшую большой вред именно русскому присутствию там. Однако «искушения» — это «гром и молнии» вокруг святыни. Все, что может сказать историк, в силу специфики его научного метода (в отличие от богослова), — это вокруг Афона, его взгляд способен видеть «гром и молнии» вокруг «Синая», но не саму Неопалимую Купину.

Предлагаемая вниманию читателя серия «Русский Афон» продолжает традицию «литературной жизни» Святой горы. Стремлением «разбудить» общественное сознание, воскресить в русском сознании афонскую тему объясняется разножанровость публикуемых в серии книг. В серии вышли девять книг.

Серия открывается исследованием одного из ее создателей, московского историка П. Троицкого «История русских обителей Афона в XIX—XX веках»¹⁹. В ней ставится вопрос о судьбах русского афонского наследия. В книге делается акцент на малоизвестных и не описанных еще страницах истории русского Афона — прежде всего истории единственного на Святой горе полностью русского, от начала своего создания, Свято-Андреевского скита, а также на других практически не исследованных прежде фрагментах истории Русского Афона «Братство русских келий», русские подвижники на Каруле — самой опасной и трудной для жизни области Афонского полуострова — и др. П. Троицкий приводит примеры поразительного подвижничества русских монахов — зачастую глубоких старцев, которые, практически не имея пропитания и какой-либо помощи, часто в одиночку поддерживали буквально до последнего вздоха непрерывную молитву и богослужение в русских храмах, каливах и кельях Афона все те годы, когда помощи от России в силу политических обстоятельств времени ждать не приходилось.

Второй выпуск — переиздание книги М. Г. Талалаев «Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках»²⁰. Она написана в жанре паломнических записок. Ее отличают свойственные автору лиризм, живость восприятия, легкость языка. Это Афон современный. У М. Г. Талалаев есть дар создавать эффект соприсутствия — читателю передается ощущение «открытия» Афона лично для себя. Вот несколько характерных фрагментов из предисловия и заключения к книге: «Все обители, составляющие одно понятие "Афон", между собой несходки — и не только в архитектурном отношении. У каждой — свой подвиг, свой микрокосм: подтянутый Ксиропотам, общительный Ивер, интеллектуальный Симонопетр, радикальный Эсфигмен. Впечатления пилигримов могут не совпадать:

¹⁷ Иером. Иоаким (Сабельников). Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. Кн. I: Иеросхимонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М., 2001.

¹⁸ Цит. по: Дмитриевский А. А. Епископ Порфирий Успенский... С. 42.

¹⁹ См.: Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX—XX веках. Вып. 1. М., 2009.

²⁰ См.: Талалаев М. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках // Русский Афон. М.: Индрик, 2009.

святогорский опыт — очень личный. В одном посетители полуострова единодушны: на земле это место — уникально. Есть даже поговорка: «Афон не место — это путь», причем путь, не сравнимый ни с каким другим. Он не имеет обычного, географического измерения: путешественник тут перемещается в иных координатах, даже временных. На этом полуострове до сих пор живет Византия, не покоренная ни крестоносцами, ни турками, на постхристианской Европой. Как бы для укрепления этого чувства афонцы используют исключительно юлианский календарь (даты по новому стилю зачатую просто игнорируют). Время же отсчитывают по-византийски, от захода солнца, причем разница между мирским и афонским циферблатом меняется в зависимости от времени года: летом это примерно три часа, зимой — пять. Но главное — здесь другие духовные измерения. В Уранополе остается «мир» с его бесчисленными, а по афонским мер-

кам, и бессмысленными проблемами. На Афоне же — другое жизненное пространство, где есть одна-единственная проблема — спасение души. Прочее уходит в разряд несущественного, вместе с телевидением, радио, ресторанами и прочими «достижениями» цивилизации. Беседы здесь, соответственно, сразу выходят на другой уровень. Вместо обычного «как работаешь?», «сколько получаешь?», «как с жильем?», здесь могут сразу спросить: «Готов ли к Страшному Суду?» И спросить так, как будто сей Суд грядет завтра.

...Быстрые удары по деревянному билу (некогда из-за боязни привлечь внимание турок и пиратов афонцы перестали пользоваться колоколами, и лишь русские иноки вновь ввели звоны) призывают наследников и их гостей ко сну. После великолепного заката — восходом можно любоваться на другой стороне полуострова — монастырские врата накрепко закрываются. На Афоне — полночь. В мире в это время чуть больше восьми вечера, и по соседству со Святой Горой тысячи греков и курортников всех стран начинают ночной поход по барам, тавернам, дискотекам. После разъезда по домам на мирских дорогах почти каждую ночь происходят смертельные случаи: подвыпившие отпускники давят в темноте пешеходов, сшибаются с такими же гуляками-лихачами. В это время над Эгейским морем еще темно. Святогорцы выходят на полунощницу²¹.

«Афон делит весь земной шар на две части: себя и остальное... Говорить в миру о спасении души как-то неприлично: могут принять за безумца. На Афоне же вам постоянно напоминают, что душа — бессмертна и что мы ответственны за ее загробное существование. Поразительно, что афонцы сочетают постоянную заботу о судьбах душ (всех людей) с неизбывной веселостью. В миру сложился стереотип о монахах как об унылых, печальных людях. Однако уныние — великий грех, а святогорцы — народ жизнерадостный. «Как можно печалиться, — сказал мне один старец, — если Христос воскрес?» Пусть «новость» о Воскресении Христовом и будет главной новостью с Афоне. Все остальное меркнет перед этим»²².

Третий выпуск серии «Русский Афон» — книга «Афон и его судьба», написанная русским писателем-эмигрантом Владиславом Альбиновичем Маевским (1893—1975)²³, человеком, с именем которого в 1950—1960-е годы в русском зару-

²¹ Талалай М. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках // Русский Афон. Вып. 2. М., 2009.

²² Там же. С. 144, 147.

Братская трапезная в Пантелеймоновом монастыре.
Современное фото

безье связана защита интересов русского афонского монашества от чинившихся притеснений со стороны греческой духовной и светской власти на Афоне. Своими многочисленными печатными выступлениями он на протяжении многих лет боролся за сохранение русского наследия

Афона от растворения в греческом окружении и русских насельников Святой горы от вымирания без помощи со стороны свежих новых сил из России.

Четвертая книга «Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834—

²³ Маевский В. Афон и его судьба // Русский Афон. М., 2009.

1836 годах» (Вып. 4. М., 2009) уводит нас в глубь истории. Это уникальное издание дневниковых записей русского князя-монаха Аникиты (Ширинского-Шихматова), приездом которого на Афон в 1930-е годы было положено начало расцвету русских святогорских обителей, особенно Свято-Пантелеимонова монастыря.

Пятый выпуск — «Приближения к Афону» — книга сербско-словенского писателя Павле Рака, для которого Афон сыграл решающую роль в обращении к вере. Написана она в жанре живых впечатлений, в духе, так сказать, литературного «импрессионизма»: «Вижу: Прозрачные, почти невесомые строения, освещенные первым утренним солнцем; Башни наперегонки кипарисами тянувшиеся к небу; веселые купола и крыши; подернутые дымкой, вырастающие из моря горы; лестницы и длинные переходы, в их лабиринтах исчезают еле слышные шаги; свет, мерцающий в сгущенном воздухе; синеватый ладан и трепет свеч, иконы, хоругви в торжественных процессиях: пурпур и золото, разлившееся по полям; удлиненные черные фигуры — глаза опущены — поднимающиеся по косогору; плаха и разбросанные по мостовой камилавки; башни и монахи в вихре пламени, каменные ступени в лунном свете; выбеленные временем кости, собранные в общей гробнице; белоснежные простины, бьющиеся на ветру; овальные подносы, перегруженные лакомствами, возвращаемые почти нетронутыми; кисловатый запах старого кирпича; волны пения и шепот молитв, шум крыльев, журчание вина; покосившиеся кельи и их жители, которые, вместе с ветхими стенами и своей полуза забытой религией, осыпаются, уходят во тьму средневековья и выплывают из нее под глухой звон колоколов среди благоухания мерцающих лампад. Афон не на небе и не на земле — вертоград Пресвятой Богородицы»²⁴.

Выпуск шестой — переиздание книги, ставшей в наше время библиографической редкостью, выдающегося церковного историка, члена Императорского Православного Палестинского Общества А. А. Дмитриевского «Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена священноархимандрита Макария (Сушкина)» (Русский Афон. Вып. 6. М., 2010). Это классическое исследование, могущее служить эталоном жанра научно-житийной литературы. Особую ценность придает ей то, что она написана на основании собственных воспоминаний о. архимандрита Макария.

Следующие две книги серии принадлежат современным авторам и представляют собой научные исследования по истории русских афонцев в XX в.: Шкаровский М. В. «Русские обители Афона и Элладская Церковь в XX веке» (Русский Афон. Вып. 7. М.: Индрик, 2010); Герд Л. А. «Русский Афон 1878—1914. Очерки церковно-политической истории» (Русский Афон. Вып. 8. М.: Индрик, 2010). В обеих работах поднята проблема взаимоотношений русских и греков на Афоне во второй половине XIX—XX в.

Последний на настоящее время девятый выпуск серии посвящен истории, как его принято называть — «малороссийского» — Ильинского скита (Фенел Н., Троицкий П., Талалай М. Ильинский скит на Афоне. Вып. 9. М., 2011). В действительности для русской духовной традиции первостепенное значение имеет связь Свято-Ильинского скита с именем прп. Паисия (Величковского), основавшего его в 1757 г. Таким образом, Свято-Ильинский скит можно считать родиной русского старчества XIX в., духовной колыбелью русского перевода «Добротолюбия».

Все книги серии объединяет тема насильтвенной дерусификации Афона, проводившейся светскими греческими властями после присоединения Афона к Греции в 1912 г. и особенно после русской революции 1917 г., когда Россия вследствие совершившихся внутренних политических перемен потеряла возможность защищать своих наследников на Святой горе. Мы говорили выше об интернациональном характере Афона. Однако именно это неотъемлемое его качество было подвергнуто сильнейшему испытанию в XX в. С исчезновением с карты православной Российской империи, оказывавшей дипломатическую поддержку российским гражданам на Востоке и служившей защитой для русского афонского монашества, греческое правительство и Элладская церковь взяли курс на недопущение русских на Афон, обрекая оставшихся там духовных подвижников на постепенное вымирание — без связи с родиной и без средств к существованию. Из нескольких тысяч русских афонитов перед революцией 1917 г. через полвека осталось несколько десятков человек, средний возраст которых был около 80 лет.

Кажется невероятным, что такую жестокость могли проявлять по отношению к своим единоверцам православные греки, которые еще недавно, в эпоху турецкого владычества сами искали защиту от турецких притеснений в российских

²⁴ Rak P. «Приближения к Афону» // Серия «Русский Афон» М., 2010. С. 11–12.

дипломатических представительствах Турции. Россия была единственной реальной опорой православного населения Ближнего Востока, русские солдаты проливали кровь за освобождение единоверных грекам болгар на Шипке. И тем не менее, как подчеркивают авторы книг, период турецкого протектората над Афоном был для русских монахов гораздо более спокойным, чем время, когда немногочисленную турецкую полицию сменили в 1912 г. воинские подразделения независимой Греции²⁵.

Причина этого явления заключалась, как ни странно, именно в том огромном влиянии, которое Российской империя имела в Ближневосточном регионе и которое освободившаяся в 1821 г. от турецкого ига революционным путем Греция определила как опасную для нее идеологию «панславизма». Сама возродившаяся Греция породила движение «филэллинизма», целью которого было восстановление того культурного и международного значения, которое Великая Греция имела во времена Римской империи и Византии. Таким образом, сторонники идеи «Второго Рима» стали оспаривать идею «Третьего Рима». «Филэллинизм» выступил против «панславизма», и заложниками в этой борьбе стало русское афонское иночество.

Подробности данного противостояния описывает в своих работах Константин Николаевич Леонтьев²⁶, длительное время находившийся на дипломатической службе в Турецкой империи, по мнению которого со стороны русских никакого «панславизма» не было, а требовалась помочь конкретным людям, в тех или иных ситуациях в этой помощи нуждавшихся, и Россия, как самое большое православное государство, обязано было такую помочь оказывать. Тем не менее, по словам К. Н. Леонтьева, в греческой и турецкой прессе была развязана целая компания против русских, каждый, порой даже самый незначительный, поступок которых истолковывался как проявление пресловутого «панславизма», т. е. нашествия чужеродного грекам влияния и культуры. Сплошь и рядом употреблялось определение «русское нашествие».

Прогрессия роста русского присутствия в святых местах Востока была, действительно, столь

велика, что многие наблюдатели прогнозировали в ближайшем будущем не только духовное, но и полное политическое преобладание русских в регионе. Один из подобных прогнозов был сделан в 1900 г.: «Я ездил из монастыря в монастырь по всему Святогорскому полуострову и думал, что езжу по России. На каждом шагу, на пристанях, в монастырях, в келлиях, в центре казы, в лесах и на дорогах, — везде, везде вы встречаете русских и русских, монахов и мирян. Если на всей Св. Горе монахов пятнадцать тысяч, то десять тысяч²⁷ из них уже русские. И их число из дня в день быстро увеличивается. Не пройдет пятидесяти лет, и русских монахов на Св. Горе будет вдвое и втрое больше. Из тех, кто смотрит на это нашествие на самой Св. Горе и вокруг нее, никто не сомневается, что через немного лет Афонский полуостров будет населен одними только русскими. В первую очередь русские монахи Афона, а вслед за ними греки и болгары полагают, что вскоре Афонский полуостров и в политическом отношении будет русским. А экономически он уже давно в руках русских. Все богатые греческие монастыри получают свои доходы под контролем русского правительства из России... Вопрос о Святогорском полуострове, с какой бы стороны на него ни посмотреть, по моему скромному мнению, обстоит так: в чьи бы руки не перешла политически Македония, Св. Гора не может в ближайшем будущем не оказаться в руках России²⁸. Интересна также в этой связи информация К. Н. Леонтьева: «Есть предсказание одного... отшельника (из болгар или греков, не помню), что на Афоне скоро будет 8 монастырей русских...»²⁹.

Те же настроения были на рубеже XIX—XX вв. и у турок. Так, епископ Царицынский Дамиан (Говоров) по прибытии из Крыма в Константинополь в ноябре 1920 г. записывает в своем дневнике: «После недельного плавания „Риона“ беженцы увидели Царьград с возвышающейся Айя-Софиеей... Здесь мы увидели, что к ней стекаются племена и народы (кроме греков, которым турки возбраняли вход³⁰). Желательными посетителями здесь были русские и особенно русское духовенство... В разговорах образованные и необразованные турки прямо высказывались:

²⁵ Напр. см.: Маевский В. Указ. соч. С. 169–176.

²⁶ Леонтьев К. Н. Об Афонской горе и об отношениях ее к России; Леонтьев К. Н. Панславизм на Афоне.

²⁷ Цифра преувеличена. Общее количество русских на Афоне со времена расцвета русского присутствия там было около 5000 человек, включая насельников Свято-Пантелеимонова монастыря, двух скитов, келий и калив.

²⁸ Донесение болгарского торгового агента А. Шопова в 1900 г. Цит по: Герд Л. А. Указ соч. С. 103–104.

²⁹ Леонтьев К. Н. Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России. С. 530.

³⁰ Недопущение греков в храм объяснялось тем, что турки не хотели усиления греческого влияния в Турции, боясь со временем оказаться «рабами своих рабов».

„Нам не удержаться в Константинополе, нам жаль Айя-Софии, но если отдавать кому, то только русским, потому что русские хороший народ и хороший наш сосед“³¹.

Результатом страха «русификации» Афона со стороны греческих властей (поддерживаемых, конечно, теми западными странами, которые стремились к преобладанию на Ближнем Востоке) явилась борьба афонских греков вместе с епископатом Элладской церкви за полную национализацию Афона Грецией и активное противодействие стараниям России закрепить в международных соглашениях за Святой горой международный статус. Усилия эти увенчались успехом, и согласованный уже на международной Лондонской конференции 1913 г. документ о многонациональном статусе Афона был отменен благодаря письменному обращению афонского кинота и греческого епископата к конференции. По оценке П. Троицкого, «Меморандум греческих монахов Лондонской конференции» представляет собой «саморазоблачительный» и «возмутительный» документ³². Действительно, трудно не согласиться с такой оценкой, когда читаешь заключительные слова в меморандуме, представляющие собой скорее набор аргументов, взятых из лексикона секуляризованного западного мира, чем слова православных христиан, проникнутых духом братского единства: «Свобода есть создание эллинизма, и, если в настоящее время варварские и дикие народы пользуются этим благом под греческим знаменем, то неужели мы, афонские монахи, будем порабощены властью народа, менее либерального, менее прогрессивного и менее цивилизованного. Никогда!»³³.

В итоге русские афонские монахи остались лишенными самостоятельного юридического статуса, что сделало их полностью беззащитными после российской катастрофы 1917 года. Вплоть до 1966 г., когда Российской стороной был согласован въезд на Афон нескольких монахов из Советской России, греческие власти неоднократно отказывали в пополнении русского Свято-Пантелеимоновского монастыря и двух скитов (Свято-Андреевского и Ильинского) свежими молодыми силами. Вместо примерно 2000 насељников, подвизавшихся в Свято-Пантелеимоновом монастыре в 1917 г. к 1960-м годам осталось около 20, Ильинский скит отошел к грекам, а Анд-

реевский на какое-то время полностью вымер.

Свое первое посещение в начале 1990-х годов русского Андреевского скита, — обладателя самого большого на всем Афоне собора, второго по величине во всей Греции, прозванного в народе «Кремлем Востока», — описывает М. Г. Талалай:

«Мне довелось попасть сюда, когда в "Кремле Востока" не было ни души... В скит вели огромные литые врата, мне не поддавшиеся.

Зайдя в тыл обители (на поход ушло почти полчаса), я обнаружил, что врата выполняли исключительно декоративную функцию: один из угловых корпусов выгорел и полуобвалился, и в образовавшуюся брешь мог свободно въехать весь наш паломнический автобус, пришедший в Карею из Дафни.

Гигантский внутренний двор оказался по пояс заросшим травой. В центре двора находился фундамент какого-то здания, судя по расположению, некогда игравшего важную роль (позднее я узнал, что это был знаменитый Серай, патриарший дворец). Сливовое дерево у фиала с пересохшим фонтаном густо засыпало землю своими спелыми плодами: ими никто не интересовался.

Двери собора тоже не открывались. Полный осмотр здания — против часовой стрелки, как во время крестного хода, — никаких лазов не открыл. Я вернулся на паперть, в стену которой была вмонтирована доска: «Сей храм заложен в память чудесного избавления от смертельной опасности, грозившей Императору Александру Второму...» Где именно, от кого и когда ему грозила опасность — уже не читалось. И царь в итоге не уберегся, и храм заколочен.

Напротив собора, через двор, как положено, дверь в дверь, стояла распахнутая настежь трапезная. Когда-то сюда после службы выходя из храма, иноческий чинной вереницей, не отклоняясь от прямой траектории, шли на трапезу. Просторный полукруглый зал, десятки длинных деревянных столов, заваленных пометом летучих мышей и всяким хламом. Неужели за этими столами кто-то кормился?

Малые церкви, как их зовут на Афоне, парамклисы, были открыты. Некоторые из них стояли совсем голые, нещадно ободранные, в других уцелели остатки стенных росписей и пустые иконостасы. Обход братских корпусов напоминал прогулку по городу, пораженному нейтронной

³¹ Цит. по: Шкаровский М. В. Русские обители Афона и Элладская Церковь в XX веке. М., 2010. С. 132. О таких же настроениях турок свидетельствовал и служивший много лет российским консулом в Турции К. Н. Леонтьев.

³² Троицкий П. Указ. соч. М., 2009. С. 162.

³³ Там же. С. 164.

бомбой. Я обнаружил различные мастерские, пекарню, мельницу, котельную, аптеку, больницу, иконописное и фотографическое ателье, затем прошелся по келлиям со скучным типовым убранством: постель, шкаф, сундук. Кое-где на столах лежали эмигрантские газеты 1960-х годов.

За монастырским каре, в отдельном строении, я разглядел сквозь окно стеллажи с черепами. Вот она, знаменитая афонская усыпальница! На дверях склепа висел замок, снимавшийся вместе со щеколдой и гвоздями.

В центре склепа, в небольшом застекленном шкафчике, располагались черепа скитоначальников, с подробными эпитафиями на лбах и в хронологическом порядке.

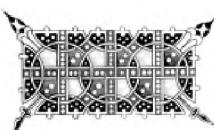
С высоченных, до потолка, стеллажей на меня смотрели пустыми глазницами главы наследников. Я брал черепа наугад и, стирая с них пыль, читал лаконичные надписи на лбах: «Убит разбойниками», «прожил более ста лет», «Утонул в море», «Бывший агроном». Одна эпитафия сообщала о филологических достоинствах инока: «Хорошо знал греческий язык» — видно, с языком туземцев туговато было у русских афонитов.

Если сам скит мне казался мертвым, то здесь, в усыпальнице, на меня повеяло жизнью»³⁴.

Интерес мира к Афону возрастает. Однако это уже не тот христианский мир, который породил феномен Святой горы. Сегодня Афон открыт секулярным миром как сокровище культуры. Действительно, несметны культурные богатства Афона, однако они являются только следами деятельности духа, о сохранении которого мир не умеет заботиться, потому что сам его не имеет. Сейчас существует опасность «окульту-

рить» Афон, превратить его в музей, библиотеку, архив — в часть «культурного наследия человечества». Но Афон больше, чем культурное наследие, он выше культуры. (Возможно поэтому Господь попустил истребительные пожары на Афоне, в том числе в Свято-Пантелеимоновом монастыре и в Андреевском скиту, где за несколько дней погиб бесценный архив, причем игумен не благословил старцев-монахов спасать ценности из огня.) Афон — явление духовное, поэтому поддержание общественного интереса к нему есть не только способ поддержания Афона, но и способ содействия поддержанию духовной жизни общества вообще. Духовное же единство и образует народ. Поэтому возрождение народной любви к Афону — к чему призвана данная книжная серия — послужит и возрождению народа из толпы потребителей, в которое он превращается разъединяющей и обездушивающей его секулярной пропагандой. Поэтому от всей души пожелаем данному начинанию успеха и поблагодарим за него его создателей.

Закончить хочется словами, сказанными Святым Патриархом Алексием II в связи с открытием в Москве подворья русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря: «Прочные духовные узы издревле связывали Святую Русь со Святой Горой Афон, а Свято-Пантелеимонов монастырь всегда был местом молитвенно-го подвига родных нам по духу и крови соотечественников. На протяжении веков Афон для России был неким духовно-нравственным ориентиром и мерилом православного благочестия... Пусть же это родство будет и впредь таким же неизменным и благодатным»³⁵.

³⁴ Талалаев М. Г. Указ соч. С. 47–49. Сейчас в Андреевском скиту греческие наследники.

³⁵ Православный Церковный календарь на 1996 г. М., 1995. С. 2.